

г. Краснодар

Волшебный карандаш

У моего дяди-художника есть волшебный карандаш. Так говорит моя мама, но я в это не верю, потому что видел этот карандаш. Самый обыкновенный, как все карандаши в мире.

И вообще, я уже большой, чтобы верить в чудеса. Волшебных вещей не бывает. Никто этому не верит. Даже дядя – и тот не верит.

Когда он снова пришёл к нам в гости, я у него спросил:

– Дядя, правда, что у тебя карандаш волшебный?

– Эх, Митька, – добродушно засмеялся дядя, – что за небылицы у тебя в голове?! Нет никакого волшебного карандаша. И кто только мог такое придумать?

Я чуть не расплакался, но маму не выдал, убежал из комнаты. «Почему мама обманула меня? Ведь она никогда не обманывает!» Мне обидно, и потому я решил в этот день с мамой не разговаривать.

Проводив дядю, мама удивляется, отчего я такой мрачный, и спрашивает:

– Уж не заболел ли ты? А ну, покажи язык!

Я как можно дальше высовываю язык.

– Хорошо, хорошо, – с облегчением говорит она и трогает мой лоб. – Беги играть!..

Я не удержался и выпалил:

– Почему ты меня обманула? Нет никакого волшебного карандаша!

– Ах, вот в чём дело!.. – весело улыбается мама. – Значит, ты мне не веришь?

– Нет, мама. Не верю... – хмуро отвечаю я и пристыжено опускаю голову.

– А почему же ты не веришь? Разве ты не видел, какие картины рисует твой дядя?! Какие дома нарисованные, какое солнце и небо! А луна и звёзды? А море? А цветущие поляны? Подумай сам – разве это не чудо?! И разве можно с помощью обыкновенного карандаша нарисовать такую кра-

соту?.. Нет, сынок, поверь мне: чудеса существуют!

Признаюсь, мамины слова на меня подействовали, и я ей почти поверил. Так бы и было, если б я не увидел на столе дядин карандаш. Наверное, он его забыл. Сгорая от нетерпения испытать на деле волшебную силу карандаша, я нашёл на полке альбом для рисования и, сам не свой от счастья, принялся за рисунок. Рука дрожит, но я веду одна за другой линии. Соединяю – должен получиться домик. Но он что-то выходит какой-то кривой, с большой двурью и слишком маленьким окошком. Чуда не случилось. Я бросаю карандаш и задуumbaюсь. Вот тебе и волшебный!..

Вспоминаю дядины картины. На них всё красиво, и тут мама права. Но в чём же кроется тайна? Что-то мне подсказывает, что тайна существует, но она явно не в карандаше, а в чём-то другом. В чём именно, я не знаю. Не знаю... А мне так хочется знать!

Ничего не могу придумать и иду к маме.

– У меня ничего не получается. Вот, убедись сама! Посмотри! – и я показываю свой рисунок.

Мама нежно берёт меня за плечи:

– Никогда не теряй надежды. Чтобы чего-то достичь, нужно упорно трудиться.

Последние мамины слова мне не совсем ясны, но, наверное, когда-нибудь я пойму их смысл.

– Нужно верить, Митенька, – говорит мама, – и тогда у тебя всё получится. У твоего дяди тоже не сразу всё получалось. Ты ещё раз попробуй. Не получается, – а ты постарайся!

– Хорошо, мама, я постараюсь.

И снова дядин карандаш у меня в руках. Ведь дядя же может с его помощью сотворить всё, что ему вздумается! Я волнуюсь, но всё же стараюсь как можно точнее нарисовать дом. Но у меня опять ничего не выходит. Не получается, и всё тут! Разве это рисунок?! Конечно нет! Если дом немного похож, то солнце не солнце, а о горах и цветах уж и говорить не приходится!..

Расстроился. Сердце сжалось – не могу разобраться в действии волшебного каран-

даша. Сижу готовый вот-вот расплакаться. Мама утешает:

– Ничего, ничего... Уже гораздо лучше! Когда вырастешь, станешь таким же художником, как твой дядя. Для этого тысячу раз нужно нарисовать. Мастером стать нелегко, тут тебе никакой волшебный карандаш не поможет!

Я уже не сержусь на маму. Я ей верю. Она ласково улыбается и целует меня. Ах, как я люблю эту мамину улыбку и касание её тёплых губ!

Дружок

Весна. Радостно светит солнышко. Тепло. Обдувает ветерок. В воздухе жужжат пчёлы.

Тёма шёл со школы вдоль длинного забора, мимо заброшенной стройки.

Вдруг – пронзительный визг. Откуда? На улице никого. Тёма подбежал к дыре в заборе. Там, у стены, мальчишки постарше привязали маленького щенка и бросали в него камнями. Обезумев от страха и боли, щенок забился в самый угол, визжал и скулил.

Особенно точно бил долговязый подросток с лицом, усыпанным крупными веснушками. Он выбирал камни поострей. Прицелившись, долго не бросал, ждал, когда щенок, устав вертеться и прыгать, останавливался и смотрел с мольбой на людей, – тут он бил коротко и сильно. После его ударов пёсик почти не кричал, а, словно выброшенная на берег рыба, глотал воздух, медленно поднимаясь из пыли. Долговязый перебил ему лапу, рассёк ухо... Кровь текла по шерсти, по лапам и сворачивалась в пыли.

Тёма почувствовал, как у него больно сжалось сердце. «Что делать? Сейчас добьют, и больше никогда-никогда не будет на свете этой собаки. Бежать, – колотило в висках, – бежать и спасать, закрыть собой! Убьют, они ведь не люди, они фашисты, они хуже фашистов».

– Нет... не надо... – захлёбываясь закричал он и кинулся к щенку, преодолевая страх получить камень в спину.

Всё произошло так быстро и неожиданно, что хулиганы застыли на месте.

– Ты кто такой? Иди куда шёл!

– Никуда я отсюда не уйду! – решительно заявил Тёма.

– Ты хочешь остаться здесь навсегда? С ним...

– Нет... я хочу с ним уйти...

Тёма пятился и пятился, пока не прижался к стене.

– Уходи. Пожалеешь.

– Нет!

– Ну как знаешь. Тогда держи! – Долговязый размахнулся и наотмашь бросил. Тёма попытался увернуться, но камень попал ему в живот, и он от боли упал на колени.

Вся компания засмеялась: вот такая у них игра!

– Браво! Вот это классный бросок! – подбадривали дружки долговязого.

Тёма не успел вытереть слёзы, как тут же ему в грудь ударил камень, потом ещё один... Тёма плашмя упал на землю. Крепко прижался лицом к окровавленной спине щенка. Камень больно ударил по руке, кусок высохшей глины бухнул в спину. Третий в голову – и конец... Кажется, Тёма ничего не чувствовал, только слышал глухие удары и проваливался куда-то всё глубже и глубже... Вдалеке чей-то голос произнёс:

– Оставьте его! Что вы делаете?

Град камней прекратился. Продолжая лежать, Тёма стал отвязывать щенка, но руки дрожали и ему это никак не удавалось.

Краем глаза он видел, как через дыру в заборе пролезал его защитник, пожилой мужчина.

Когда Тёма поднялся, в его ушах гремело, будто где-то поблизости низвергался огромный водопад. Сердце билось неровно и сильно. Он уже не плакал, но слёзы на щеках ещё не высохли.

– Если б не дядька, от тебя не оставили бы мокрого места! – сердито прорычал долговязый и первым направился к пролому в заборе. Вся его шайка послушно потянулась следом.

В Тёмкиных руках подёргивался щенок и затравленно моргал чёрными слезящими-

ся глазами. Тёма сильнее прижал его к себе и тоже побрёл к выходу. Саднили ушибы, а на воротнике куртки алело кровавое пятно.

Дома он всё рассказал маме и в конце попросил у неё разрешения оставить щенка. Щенок, словно чувствуя, что говорят о нём, вертел хвостом и заглядывал хозяйке в глаза.

– Я сам буду о нём заботиться, – твёрдо сказал Тёма. И после такой решительности мама уже ничего не могла сказать, она лишь утвердительно кивнула головой.

Ночью во сне щенок плакал. Мальчик вставал и укутывал его своим шерстяным свитером. Щенок сквозь сон всхлипывал, благодарно лизал руку и засыпал.

Стал Тёма думать: как же назвать этого пса? Перебирал разные клички и решил: пусть он будет Дружком.

Первое время Тёма почти не отходил от своего Дружка. Научился обрабатывать и перевязывать раны, варить ему кашу на мясном бульоне...

Шли дни. Щенок понемногу поправлялся, и через месяц его вовсе было не узнать – от болячек не осталось и следа. Срослось надорванное ухо, округлились бока, шерсть сделалась гладкой и блестящей. Собаки лучше Дружка Тёма уже не знал. А как радовался Дружок, встречая его у дверей, как отчаянно колотил хвостом по ножкам стульев и столов! Он научился открывать любую дверь и появляться то в кухне, то в спальне родителей. Только мама всё чаще и чаще стала сердиться на его проказы.

– За что мне эта кара небесная?! – причитала она. И Тёма понял: пора Дружка обучать.

Теперь всё свободное время, каждый удобный случай, он посвящал его обучению. А Дружок никак не хотел понять, что значит «к ноге», «сидеть» и «вперёд». Никак не хотел приносить палку, которую бросал Тёма.

– Апорт! – подаст Тёма команду, что значит «принеси», а Дружок смотрит в глаза и бежать за палкой не думает. Или метнётся вдруг, словно подталкиваемый какой-то невидимой и непреодолимой силой, и, сшибая всё на своём пути, куда-то мчится во всю прыть. И, упиваясь бегом, и не помня себя от счастья, вертится и кувыркается. Весь –

движение. Потом вернётся обратно, весело повизгивая, довольный, припадёт к земле на все четыре лапы, и неожиданно подпрыгнет, чтобы лизнуть Тёмку в губы. Похоже, для него это самое приятное занятие.

К осени Дружок вырос до размеров взрослой овчарки, – видимо, в его роду были благородные предки. Лапы его, пусть и кривые, стали тяжёлыми, с утолщениями в коленях, голова непомерно большая, косматая, и уши, которые ещё не стояли, но уже красиво и породисто развевались на бегу. Чистый овчар, только умом никак не хотел отличаться.

Пошёл как-то Тёма с ним на прогулку в парк. Кругом – красота: стоят деревья в жёлтых и красных нарядах! Высунув язык, Дружок бегаёт между ними, разрывает опавшие листья. Тёма, не оставляя попыток дрессировки и бросая палку, крикнул:

– Вперёд! Апорт!

И Дружок с восторгом метнулся, подхватил зубами палку, но, вместо того чтобы принести её своему хозяину, как сумасшедший бросился описывать на поляне круги. Некоторое время он так и носился вокруг, а потом пропал в зарослях. Тогда Тёма нарочно убежал в другую сторону и уже хотел спрятаться за кустами, как тут неожиданно, будто из-под земли, появился долговязый. Он молча, по-хозяйски цапнул с Тёмкиной головы кепку и забросил её в кусты. Держался он дерзко и грубо, даже веснушки на его лице приняли какой-то воинственный медный оттенок.

Тёма невольно съёжился. Отступить было поздно. Долговязый смотрел непримиримо и враждебно. Но тут, проламывая кусты, с открытой пастью пролетел по воздуху Дружок. В огромном прыжке ударил обидчика в грудь и сшиб его с ног. Осколясь, свесив из пасти язык, он уже не лаял, а ревел и вопил на весь парк. Долговязый лежал на спине и не двигался, – Дружок напрочь придавил его к земле. Тёма еле оттащил за ошейник своего верного и храброго друга.

В эту ночь Дружок опять спал тревожно, дёргался, лаял, перебирал во сне лапами – наверное, гнал врага. Стоило Тёме пошевелиться, и Дружок открывал глаза, поводил ушами, готовый вскочить и снова прийти на помощь.